

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА И А.П. ЧЕХОВА В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ

© 2021 И.Ф. Мифтахов¹, Т.В. Герасимова²

*Мифтахов Искандер Фуадович, специалист пресс-службы Самарской Губернской Думы;
преподаватель-исследователь
ORCID iD 0000-0001-7144-4088*

E-mail: isk@mail.ru

*Герасимова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры реабилитологии и
сестринского дела частного учреждения образовательной организации
высшего образования, клинический психолог*

E-mail: isk@mail.ru

¹Самарский государственный социально-педагогический университет

²Медицинский университет «Реавиз»

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

В данной статье прослеживается взаимное проникновение психологических мотивов эпидемии, болезни – исцеления, смерти – бессмертия, уныния и самоотверженности на примере произведений и писем писателей с мировой известностью, представителей «золотого» века русской литературы – А.С. Пушкина и А.П. Чехова. Показано, как отличается художественно-психологическая оценка эпидемии и болезней в произведениях классиков. Александр Сергеевич полностью не ушел от древнегреческой трактовки психологического восприятия эпидемии как божьей кары, но уже предлагал соблюдение рациональных противоэпидемических санитарных мер. В «Пире во время чумы» анализируется призыв к мобилизации духовных сил на борьбу как с холерой, так и с психологическим унынием («опасно опасение»). Смысловая нагрузка произведений, в первую очередь «Остров Сахалин», «Палата №6» и др., имеет подчеркнутую патографичность повествования и выраженную медицинскую документальность текста, что отражает профессиональные интересы автора. В чеховских письмах «сахалинского» времени переплетаются психологические мотивы осознания собственной смертельной болезни и психологический мотив врачебного долга в период борьбы с эпидемией оспы на Сахалине, холеры в Мелихово. Затрагивается психологический мотив осознания опасности инфекции для собственной жизни и самопожертвования ради спасения людей от эпидемии. Освещена тема психологии писательского долга с целью завершения книги «Остров Сахалин» и работы «холерным доктором», отнимающей все физические и духовные силы.

Ключевые слова: А. Пушкин, А. Чехов, психологические мотивы, психологический анализ в литературе, психология, книга «Остров Сахалин», патографический текст, психология врача, образ врача, личность, мышление, рецепция, рефлексия, русская каторга, психологическая картина мира, «Пир во время чумы», «Герой», эпидемия, чума, оспа, карантин

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-104-116

Введение. Академик Д.С. Лихачев, указывая на неисчерпаемость творчества А.С. Пушкина, утверждал: «В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имён художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов, и без Лескова, без Есенина, без Горького» [2, с. 55].

История вопроса. Литературоведы подчеркивают «органичную связь Чехова с классической литературной традицией, обозначая такие имена, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. <...> Но особую значимость приобретает в творчестве А.П. Чехова пушкинская традиция. На необходимость ее изучения указывали М.Л. Семанова, З.С. Паперный, С.Ю. Николаева, Э.А. Полоцкая. Постановку проблемы можно встретить в работах П.И. Овчаровой, В.М. Марковича, А.П. Кузичевой. Однако

степень ее разработанности представляется пока еще недостаточной» [4, с. 3].

Нам представляется не полностью исследованной рецепция пушкинских психологических мотивов в произведениях и письмах А.П. Чехова, особенно «сахалинского» и более позднего периода. Интертекстуальный аспект психологических мотивов двух писателей начала и конца 19 в. - своеобразный диалог времен - актуален для раскрытия литературных процессов 19 - 20 вв. Филолог И.В. Силантьев в своей монографии указывает, что «мотивы репрезентируют смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство, - такова наиболее общая формулировка интертекстуальной трактовки мотива» [13, с. 62], в частности - психологического.

Методы исследования. В своей же работе мы использовали историко-функциональный, метод критического анализа, текстологический метод, а также культурологический подход к проблеме и метод психологического анализа путем сравнения, сопоставления, интерпретации текстов 2-х авторов. При этом единицами психологического анализа текста выступают: мотивы, эмоциональная окраска, интенции и др.

Результаты исследования. Актуальность и глубокий символизм психологическим мотивам художественного описания инфекций, охватывающих страны и континенты, придает то, что спустя столетия Россия вновь со всем миром переживает эпидемию, но уже новой чумы - XXI в. - коронавирусной инфекции. Она стала причиной физических, душевных страданий сотен миллионов людей в России и по всему миру. Изучая произведения и письма писателей - современников эпидемий 19 в. - стоит отметить, что тогда и сейчас основным методом борьбы с распространением эпидемии остается карантин и самоизоляция, а главное психологическое качество в преодолении болезни - стойкость духа. А.С. Пушкин и доктор А.П. Чехов на личном примере и посредством своих произведений утверждали такие важные в период эпидемии психологические мотивы поведения, как решительность в борьбе с инфекцией, самопожертвование, сопротивление унынию и др.

Многие российские писатели и поэты «золотого века», такие как А. Грибоедов и В. Жуковский, А. Пушкин и М. Лермонтов, Л. Толстой и А. Чехов, описали и испытали на себе действие карантина, самоизоляции во время эпидемии, что стало психологическим мотивом создания ряда произведений.

В России в начале 30-х годов 19 в. психологи-

ческий мотив эпидемии, в данном случае первой в царской империи массовой вспышки холеры в 1830 - 31 гг., особенно ярко отразился в эпистолярном наследии и в художественных произведениях А.С. Пушкина. Период самоизоляции оказался чрезвычайно плодотворным: в литературоведении эти считанные месяцы холерного карантина и небывалого творческого подъема известны как Болдинская осень.

Александр Сергеевич внимательно и с чувством тревогой следил за медицинскими новостями из охваченной инфекцией древней столицы и живо их комментировал. В письме П.А. Плетневу (9 сентября 1830 г. из Болдина в Петербург) поэт привычно использует транскрипцию ставшего уже популярным медицинского термина - «холера морбус» (холера смертельная - лат.) и боится умереть вслед за своим дядей Василием Львовичем: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает - того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь...» [16, с. 240].

Заметим, что термин *cholera morbus* (холерный вибрион - возбудитель холеры - был открыт во второй половине 19 в.) за несколько лет до этого уже упоминал Александр Грибоедов в письме Вильгельму Кюхельбекеру в конце января 1823 г. в связи с ожиданиями эпидемии в Москве, а тем временем инфекция в 1822 г. захватила Тифлис, где работал А.С. Грибоедов. В период холерного карантина 1822 - 23 гг. поэт и дипломат также испытал творческий подъем и сочинил лучшее из своих произведений - комедию «Горе от ума». Примечательно, что А.С. Грибоедов творил во время первой пандемии холеры 1817 - 24 гг., затронувшей только южные территории Российской империи и Закавказье, а болдинская осень А.С. Пушкина состоялась через несколько лет, во время первой холерной эпидемии в России.

В письме 9 сентября 1830 г. невесте Н. Гончаровой Александр Сергеевич называет холеру с долей иронии и бравадой перед девушкой: «У нас в окрестностях - *Cholera morbus* (очень миленькая особа)». В день написания писем П.А. Плетневу и Н.Н. Гончаровой поэт заканчивает создание повести с явным эсхатологическим мотивом «Гробовщик», где прослеживаются нотки грусти, скорби по недавно ушедшему в мир иной дяде Василию Пушкину. В этот момент А.С. Пушкин еще надеялся «через дней двадцать» увидеться с невестой, но выехать из Болдина станет возможным лишь через 2 долгих месяца, наполненных самыми разными психологиче-

скими, эмоциональными всплесками и удивительной творческой концентрацией сознания.

Двумя месяцами позже (30 сентября 1830 г.) Наталье Николаевне поэт в отчаянии пишет, что только любовь к ней вселяет надежду в его душу: «Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами - не отвратительнейшая ли эта насмешка, какую только могла придумать судьба? (Мой ангел,) ваша любовь - единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка. <...> Карантин эти не выходят у меня из головы».

Обращаясь к невесте в подавленном душевном состоянии (11 октября 1830 г.), снова говорит о карантине: «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать». Из-за эпидемии свадьба Пушкина и Гончаровой была отложена на полгода.

Во время очередного эпидемического каран-

*Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он...*

Тревожные раздумья А.С. Пушкина о бренности жизни в охваченном чумой Лондоне нашли свое отражение в «Пире во время чумы» [15], затронувшем психологические аспекты отношения автора к смертельной эпидемии в Москве и в других городах России 1830-1831 гг. Эта пьеса из цикла маленьких трагедий была также написана в период болдинского карантина 1830 г. в связи с холерой, которую А.С. Пушкин обычно называл

*Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.*

Александр Сергеевич описывает острые психологические переживания своего героя, который находится на грани жизни и смерти – любопытство перед лицом коварной чумы, попытку

тина поэт снова погружается в объятия «скуки холерной». Психологическая подавленность видна в послании П.А. Плетневу (22 июля 1831 г.): «...хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы».

Нам представляется, что психологический мотив эпидемии в письмах и произведениях А.С. Пушкина дает возможность осознать ту широкую палитру эмоций, чувств и сюжетов, которая наполняла сознание поэта в болдинском карантине – от «хандры холерной» до многократных пылких признаний в любви и патетического стихотворения «Герой», от страха смерти до иронического восприятия холеры в образе очень милой особы, гостьи-заразы.

В отличие от писем, в стихотворениях А.С. Пушкина мы видим, скорее, хладнокровие и патетический духовный настрой. Так, откликаясь на приезд в холерную Москву Николая I в произведении «Герой» [14] (29 сентября 1830 г.), восхищается и гордится мужеством императора, который «играл пред сумрачным недугом» и «хладно руку жмет чуме». Он без панического страха описывает эпидемию во второй столице:

чумой. Психологическим мотивом создания пьесы стала другая эпидемия – Великая чума в Лондоне и во всей Европе 1665 - 66 гг.

Сам поэт рассуждает спокойно и рационально, он настолько погружен в медицинские аспекты заболевания, что даже приводит художественную интерпретацию санитарных правил, защищающих от чумы:

постичь бессмертие души, будоражащее душу наслаждение от ощущения опасности и азарта сражения с противником:

*...И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

В заключительных строках пьесы находим необычное восклицание Председателя:

*Итак, - хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, -
Быть может... полное Чумы.*

Ю.М. Лотман указывает: «В «Пире во время чумы» и Председатель, и Священник — оба в психологически сложном положении: они оба враги и жертвы чумы и оба выше автоматического следования обстоятельствам. Председатель борется с чумой погружением в безудержную свободу, а Священник — призывом к нравственной ответственности» [5, с. 202]. На наш взгляд, в эмоционально-психологической составляющей произведения больше авторской бравады, жажды боя и иронии, чем надломленности духа: «И к нам в окошко день и ночь // Стучит могильною лопатой...». Автор без какого-либо страха подает чуму в образе враждебной царицы, которая прибыла не на колеснице с войском, а буднично пришла с могильною лопатой, да еще стучится в окно, но не может войти в дом; в другом фрагменте он презрительно-шутливо называет ее «зараза, гостя наша». Никто в панике от чумы не разбегается, а А.С. Пушкин говорит, как убеждаясь от эпидемии и морально готовит надломленные бедствием человеческие души к борьбе со смертельным недугом. В этом сражении с чумой автор в лице Вальсингама не исключает поражения, но А.С. Пушкина это не пугает. Он призывает мобилизовать свою волю, насладиться азартом борьбы и испытать «Неизъяснимы наслажденья», а в случае смерти именно в бою обрести бессмертие души. Слышится призыв — стать не запуганными рабами царицы-чумы, а азартными воинами в борьбе с посильным соперником благодаря несокрушимой силе человеческой души.

Нашей оценке пьесы соответствуют и рассуждения А.С. Пушкина о ценности психологического спокойствия и силы духа перед лицом смер-

тельной эпидемии. Александр Сергеевич, властитель дум современников, словно дает нам прививку от страха перед болезнью. Через два столетия его призыв звучит еще более актуально. Так, в одном из писем П.А. Плетневу (3 августа 1831 г.) он рассуждает: «...не холера опасна — опасно опасение, моральное состояние, уныние, должествующее овладеть всяким мыслящим существом».

Богатство эмоций, психологическая зрелость и мощная художественная энергетика в сочетании с любовным душевным подъемом позволили А.С. Пушкину в период карантина создать почти половину своего собрания сочинений, вошедших в золотой фонд русской литературы.

Филологи единодушны: «Творчество Чехова занимает уникальное положение в русском литературном процессе конца XIX - начала XX вв. Чехов завершает развитие классической литературы и в то же время находится у истоков новой художественной эпохи, связанной с символистским искусством. Это обусловило глубокое усвоение писателем всех достижений предшествующего периода, «золотого века» русской литературы, и интерес к новому искусству XX века» [4].

В журнале «Мир психологии» мы отметили: «Литературное наследие А. Чехова представляется неисчерпаемым материалом как для филологов, так и для психологов. Многогранная личность писателя включает в себя и доктора Чехова, и пациента, и ученого, и сахалинского путешественника, и Антошу Чехонте - тонкого психолога. Отличительными особенностями миратекста писателя являются своеобразная рецепция, рефлексия и саморефлексия А. Чехова по отношению к действительности» [8].

Чеховский художественный текст представляет интерес для психологов и литературоведов, с эсхатологической точки зрения. Поздний период творчества дал исследователям обширный пласт произведений для анализа мотивов психологического восприятия смерти и бессмертия, душевных страданий и медицины [9]. Филолог А.Н. Шехватова в диссертационной работе указывает, что «изучение мотивов произведений Чехова пока носит выборочный характер - это отдельные наблюдения, сделанные «попутно», или небольшие статьи, посвященные частным мотивам или анализу конкретных произведений (П.Н. Долженков, Ю.В. Доманский, Н.А. Кожевникова, А.С. Собенников, И.Н. Сухих и др.)» [31, с. 3]. Нам представляется, что современное всестороннее осмысление поэтики творчества А. Чехова возможно при условии ее изучения с точки зрения психологических мотивов писателя.

В диссертационном исследовании мотивов произведений А.П. Чехова отмечено: «Для понимания чеховского творчества исследование мотивной структуры особенно важно. <...> Мотив - это высокоинформативный компонент художественного текста, его реализация, формально выраженная во введении в текст ключевого слова (понятия), позволяла Чехову передать большой объем информации» [30], что в полной мере проявилось в медицинско-художественной книге «Остров Сахалин».

Во всем творчестве, особенно в позднем периоде, в частности в книге «Остров Сахалин», а также в эпистолярном наследии, психологический мотив предчувствия войны, необходимости смены несправедливого миропорядка, эсхатологический мотив грядущей катастрофы, а также собственные профессиональные врачебные мотивы, представлены наиболее ярко. Им сопутствуют психологические мотивы: смерти - бессмертия, болезни - здоровья, каторги - свободы, страха - бесстрашия, раскрывающие наиболее волнующие душу автора темы на рубеже 19 - 20 вв.

Для воплощения литературного замысла А.П. Чехов в различных произведениях использует один (в коротких рассказах) или несколько мотивов (например, «Остров Сахалин»). Они взаимодействуют между собой самыми различными способами выражая ведущий художественный и психологический замысел автора. Ведущий мотив создает ту системную и целостную художественную, психологическую, событийную и до-

кументальную картину мира, которую задумал автор, для «развития, расширения и углубления» [1] темы произведения. Кроме того, Антон Павлович использует отдельные частные мотивы как инструмент для решения локальных задач - для психологической характеристики образов, персонажей, элементов пейзажа и погружения читателя в свои психологические переживания, историческую, медицинскую, географическую реальность [6].

Критика, не отрицая талант А.П. Чехова, желала увидеть в произведениях открытую революционность, но оказалась, по большей части, неспособной принять особенность его «объективной» (как он сам характеризовал ее) художественной манеры. Его обвиняли в равнодушии к социальным проблемам, в отсутствии прямых авторских оценок и мировоззрения в целом, в том, что он пишет «с холодной кровью», в излишнем «фотографизме» и т.д.; в высказываниях героев усматривала позицию писателя: так, слова старого профессора об отсутствии у него «общей идеи» (повесть «Скучная история», 1889) воспринимались как авторское признание и проецировались на все творчество Чехова. В этой связи, исключение составила книга «Остров Сахалин» (1895) и повесть «Палата №6» (1892), в которых критика впервые увидела острый социальный контекст и психологизм повествования.

В чеховском творчестве, особенно позднего периода, в качестве краеугольного основания мы видим книгу «Остров Сахалин» с его ярким психологизмом гражданственного и социального звучания. Книгу «Остров Сахалин» по художественному замыслу можно разделить на две части: с I по XIII главы повествование изобилует описаниями природы и строится в соответствии с маршрутом и хронологией поездки А.П. Чехова, и главы с XIV по XXIII с более редкими картинами сахалинского пространства. Во второй части внимание автора значительно больше уделено психологии несправедливости, социального конфликта, предчувствию войны, психологическим портретам медиков и пациентов, общей эмоциональной гнетущей атмосферы и враждебному настрою природы по отношению к человеку.

Во время путешествия на Сахалин и в процессе работы над книгой определились и уточнились ее задачи, которые автор не скрывал, хотя и не афишировал: противопоставить официальному освещению сахалинской действительности

всестороннее, объективное ее исследование; воссоздать правдивую, основанную на проверенных, точных фактах, картину русской каторги; показать психологическую обреченность человека, оторванного от Родины, физическую и нравственную гибель в условиях сурового климата, произвола и деспотизма властей, подневольного труда; пробудить в обществе внимание к «месту невыносимых страданий».

Психологический настрой А.П. Чехова перед поездкой характеризуют слова: «Ехать не хочется, - пишет он 11 апреля Суворину, - и я охотно бы остался, но лучше отделаться от поездки в этом году, чем откладывать ее до будущего года». А накануне отъезда совсем загрустил: «У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну...». Но решения своего он не изменил и 21 апреля 1890 года отправился в нелегкий путь на каторжный остров... «...Грязь, дождь, - пишет он М.В. Киселевой из Сибири, - злющий ветер, холод... и валенки на ногах, словно сапоги из студня... Вернуться бы назад, да мешает упрямство и берет какой-то непонятный задор, тот самый задор, который побуждал меня делать немало глупостей...». Иртыш великолепен и в разливе. Правда, на изнуренного ненастьем и бездорожьем путника он навеивает грустные ассоциации: «...Сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, на душе одиночество, и спрашиваю себя: где я? зачем я здесь? Ревет ветер, но Иртыш не шумит, не ревет, а сдается, как будто он у себя на дне стучит по гробам...» [12].

К психологическому ощущению грядущей войны в контексте поездки на Сахалин А.П. Чехов возвращается не один раз: «Начинает он с того, что весна теперь холодная, какой давно не было. Помилуйте, завтра Николин день, послезавтра Вознесенье, а ночью шел снег, и по дороге к селу замерзла какая-то женщина; скот тощает от бескормицы, у телят от морозов понос... Потом он спрашивает меня, откуда я, куда бегу и зачем, женат ли я, и правду ли говорят бабы, что скоро будет война» [17]. «На дворе темнеет, и в горнице зажигают сальную свечу. Петр Петрович долго расспрашивает меня о том, куда и зачем я еду, будет ли война, сколько стоит мой револьвер...» [17, с. 21].

В пути А.П. Чехов наблюдал эпидемию холеры, этот мотив довольно образно и с юмором представлен в письме А.С. Суворину (11 сентября 1890 г.): «Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на

Луне - всюду холера, везде карантин и страх. На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак. Во Владивостоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна генеральша» [22]. Вспоминается пушкинская ирония из «Пира во время чумы»: «Зараза, гостя наша».

Психологическими и художественными приемами представления пейзажа в «Острове Сахалин» автор-повествователь показывает, что он описывает иное пространство, ранее неведомое ему и читателям. Действительно, А.П. Чехову впервые предстает некая непознанная грань Российской земли. Он одновременно и открывает перед нами новую землю, новые картины, но и показывает, что данное место – «как в аду», граница, «конец света», крайний предел для человеческих страданий. Например, первое впечатление об открывшемся на горизонте острове Сахалин, уподобленный аду: «Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. <...> Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. <...> И все в дыму, как в аду». [Т. 14/15., С. 54] Для А.П. Чехова характерны метафоры: багровое зарево, огонь – война, страх – страдания раненных солдат. Чеховская природа предстает словно одушевленные образы: деревья гнутся и страдают, море и туман прячут другой континент, темный лес источает опасность.

В книге «Остров Сахалин» психологический мотив эпидемии имеет характерную особенность - он реализуется посредством документально-художественного погружения в санитарно-бытовые условия жизни каторжан, местного населения и природу сурового края [6]. Мы отмечаем и профессиональный взгляд, и профессиональный медицинский лексикон доктора Чехова на организацию работы больниц, аптек, взаимоотношения пациентов, врачей и фельдшеров [7]. Приводится несколько эпизодов врачебной деятельности самого автора, хотя за полгода путешествия их, вероятно, было значительно больше.

Примечательна оценка книги как своеобразного литературно-медицинского сочинения о каторжном острове самого автора. В январе 1894 г., после опубликования книги, он написал: «Мой «Сахалин» - труд академический <...> Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал

должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит! Печатать «Сахалин» в журнале, конечно, не следует, это не журнальная работа, книжка же, я думаю, пригодится на что-нибудь» [26]. Через 10 лет после возвращения с каторжного острова Чехов снова возвращается к этой мысли: ««Остров Сахалин» написан в 1893 г. - это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г. - окончания медицинского факультета» [19].

На страницах книги многократно упоминается эпидемия черной оспы и способствующие ее распространению антисанитарные условия жизни местного населения: «Гиляки никогда не умываются, так что даже этнографы затрудняются назвать настоящий цвет их лица; белья не моют, а меховая одежда их и обувь имеют такой вид, точно они содраны только что с дохлой собаки. Сами гиляки издают тяжелый, терпкий запах, а близость их жилищ узнается по противному, иногда едва выносимому запаху вяленой рыбы и гниющих рыбных отбросов» [18].

Психологический мотив эпидемии, болезни и здоровья, свободы и каторги, смерти, страданий, образ врача, психологические мотивы, отражающие переживания доктора А.П. Чехова в «Острове Сахалин» рассматриваются в статье Н.В. Капустина: «Перекликаясь, взаимопроникая, повторяющиеся мотивы «Острова Сахалин» (скука, неволя, дождь, море, бегство/отъезд с острова и др.) не только играют композиционную роль, но и объединяют разные человеческие судьбы, становясь важнейшим выразителем чеховской концепции жизни, характеристикой родовых свойств человеческой природы» [3, с. 87].

Вернувшись из Сахалина домой, А.П. Чехов занялся оформлением своих путевых впечатлений, собранных медицинских и статистических сведений. В начале 1892-го писатель купил имение Мелихово недалеко от Москвы. Незадолго до того он с грустной иронией писал о своем пошатнувшемся после путешествия на Сахалин здоровье: «Если я в этом году не переберусь в провинцию и если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я рассохся, как старый шкаф...» [21] (16 декабря 1891 г., Москва).

Однако мотив эпидемии еще не раз прозвучит в письмах А.П. Чехова: после засухи в Черно-

земье и Среднем Поволжье в зиму 1891-1892 гг. произошла ограниченная эпидемия дизентерии и сыпного тифа, в том числе, в Самарской губернии. Возникли проблемы с едой, а, следовательно, и с иммунитетом. Вслед за этим разразилась эпидемия холеры 1892-93 гг.: в Россию она пришла из Персии. Через Астрахань, Саратов, Самару, Ростов-на-Дону холера расплодилось по великой империи.

Из письма А.С. Суворину (25 июня 1892 г., Мелихово): «Холера уже в Саратове. Отсюда она проползет в Нижний и в Москву а по Оке в Серпухов и в Мелихово. Гнусная гостья» [23]. Схожий хронотоп повествования и шуточные сравнения перекликаются со строками письма Пушкина: «Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино...»; «У нас в окрестностях - Cholera morbus (очень миленькая особа)» и фразой из «Пира во время чумы»: «Зараза, гостья наша». Доктор А.П. Чехов анализирует эпидемические особенности возбудителя: «После голодовки она должна бы в сущности жестоко потрепать приволжский край, но этого не будет. На будущее взираю я без печали и без боязни. Холера asiatica делает широкие скачки, но она вяла и нерешительна <...> Что-нибудь из двух: или она выродится, или же поддается культуре» [23].

Эпидемия существенно нарушила планы Антона Павловича – приостановлена работа над книгой «Остров Сахалин» и начинается борьба по ликвидации холеры: «Он образовал около села Мелихова обширный медицинский участок в составе целых 26 селений, принял на себя надзор за здоровьем населения этой местности и нес обязанности мелиховского земского врача в течение 2 лет — 1892 и 1893, пока не миновала опасность <...> В с. Мелихове он ведет у себя регулярный прием больных, выдает им лекарства; для подсобной работы имеет земского фельдшера. Ведет разъезды по селениям, расследует подозрительные случаи заболеваний, предусматривает места, где можно было бы открыть лечебницы для холерных в случае появления эпидемии. Он ведет все статистические записи о наблюдаемых им заболеваниях и наравне с состоящими на службе земства врачами и по тем же формам составляет отчеты о своей работе и докладывает эти отчеты санитарному совету» (Примечания / Подгот.: Н.А. Роскина, А.М. Малахова, Л.М. Долотова // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. /

АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 5. Письма, Март 1892 — 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 358.), - вспоминал доктор П.И. Куркин. Таким образом, на период эпидемии Чехов откладывает работу над «Островом Сахалин», но в то же время возвращается к медицинской практике и анализу заболеваемости, которую вел на острове Сахалин.

Медицинская лексика, статистика, столь характерная для «Острова Сахалина», вновь звучит в письмах: (А.С. Суворину, 17 января 1897 г.): «Насчет чумы, придет ли она к нам, пока нельзя сказать ничего определенного. Если придет, то едва ли напугает очень, так как и население, и врачи давно уже привыкли к форсированной смертности, благодаря дифтериту, тифам и проч. Ведь и без чумы у нас из 1000 доживает до 5-летнего возраста едва 400...».

Историк медицины проф. Д.В. Михель комментирует этот трагический момент российской истории и самопожертвование врачей: «Эпидемия 1892 г. унесла более 300 000 жизней, а в 1893 г. от холеры умерли еще более 42 000 человек. В этих условиях врачи-общественники развернули активную деятельность. Они решительно «шли в народ», занимались гигиеническим просвещением, призывали крестьян кипятить воду и дезинфицировать свои жилища и постели» [10, с. 68].

Антон Павлович также считает своим долгом отдать все силы для помощи больным, о чем пишет Л.С. Мизиновой (16 июля 1892 г., Мелихово): «Уехать я никуда не могу, так как уже назначен холерным врачом от уездного земства (без жалованья). Работы у меня больше чем по горло. Разъезжаю по деревням и фабрикам и проповедую там холеру. Завтра санитарный съезд в Серпухове. Холеру я презираю, но почему-то обязан бояться ее вместе с другими. Конечно, о литературе и подумать некогда. Утомлен и раздражен я адски. Денег нет, и зарабатывать их нет ни времени, ни настроения. Собаки неистово воют. Это значит, что я умру от холеры или получу страховую премию» [20]. Здесь мы видим огромное физическое и психологическое истощение писателя.

А.П. Чехов психологически стал самоироничным - именуется себя «самым жалким» из всех серпуховских докторов, которому приходилось ездить на паршивых лошадях и уговаривать состоятельных людей пожертвовать на лечение крестьян. Он неоднократно пишет о холере своему издателю Суворину: (1 августа 1892 г., Мелихово): «Во-первых, в Москве и под Москвой хо-

лера, а в наших местах она будет на сих днях. Во-вторых, я назначен холерным доктором... <...> ... Ваши письма отрывают меня от холерных интересов и ненадолго уносят в иной мир» [24]. Через 2 недели снова о холере (16 августа 1892 г. Мелихово): «...я уже состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок».

Чувствуется и огромная эмоциональная усталость А.П. Чехова и стремление продолжить работу над книгой «Остров Сахалин»: «Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры... <...> Пока же я служу в земстве, не считайте меня литератором. Ловить зараз двух зайцев нельзя. Вы пишете, что я бросил «Сахалин». Нет, сие мое детище я не могу бросить.

Вообразите мою холерную скуку, мое холерное одиночество и вынужденное литературное безделье...» [24]. Всепоглощающая занятость на врачебном поприще почти не оставляет времени на литературный труд, кроме того, А.П. Чехов рационально осознает приближающееся окончание своего физического существования из-за прогрессирующего туберкулеза. Переплетение этих психологических мотивов мобилизуют последние силы доктора А.П. Чехова лечить людей, завершить работу над книгой «Остров Сахалин», создать еще ряд ярких произведений, последним из которых стал «Вишневый сад».

Психологический мотив самопознания прослеживается и в других поздних письмах А.П. Чехова: «Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное» [27]. Психолог Бологов П. пишет: «Во многих письмах Чехова рассыпаны характерные психастенические жалобы: «безличное и безвольное состояние», «у меня не характер, а мочалка», «противная физическая и мозговая вялость», «нервы скверные до гнусности», «смертная тоска по одиночеству», «отвратительное психопатическое настроение». И еще несколько выдержек из переписки: «От жизни сей надлежит ожидать одного только дурного - ошибок, потерь, болезней, слабости и всяких пакостей...», «Я встаю рано и пишу. Утром мне хорошо, день проходит в еде, в слушании глупостей, вечером киснешь и хочешь одного - поскорее бы остаться solo», «...Смерть - жесто-

кая, отвратительная казнь. Если после смерти уничтожается индивидуальность, то жизни нет. Я не могу утешиться тем, что сольюсь с вздохами и муками в мировой жизни, которая имеет цель. Я даже этой цели не знаю. Смерть возбуждает нечто большее, чем ужас...» [29].

Доктор А.П. Чехов в период эпидемии осуществляет лечебную и просветительскую миссию. Он использует материалы исследований, поставивших толкование причин эпидемии холеры на естественно-научные рельсы: «...после 1883 г., когда Кох в Египте открыл вибрион человеческой холеры, вопрос об этиологии и эпидемиологии этой болезни не покидал внимания специалистов. В эпоху очередного холерного кризиса 1890-х гг. микробиологи всех стран получили новые знания о холерной болезни» [12, с. 14]. Антон Павлович живо интересуется у профессора Московского университета новостями об исследованиях российского микробиолога – будущего лауреата Нобелевской премии: «Мне хотелось бы поговорить с Вами о Мечникове. Это большой человек. Оправдаются ли надежды на прививку?» [28] Примечательно, что в период современной пандемии коронавирусной инфекции этот чеховский вопрос с надеждой задает все мировое сообщество.

В чеховском художественном и психологическом представлении мотива эпидемии, медицины мы видим врачебный, естественнонаучный, для своей эпохи революционный взгляд на действительность. Предпосылкой тому стало, конечно, обучение в крупнейшем университете России, аналитический склад ума и врачебный опыт А.П. Чехова. Мы отмечаем, что для избавления от холеры, оспы и чумы автору «Острова Сахалин» совершенно не нужен ни Бог, ни царь и не Герой. В этом аспекте психология мотива эпидемии явно контрастирует с трактовкой античной литературы, взглядом на проблему Пушкина и, скорее всего, с большинством из современников писателя.

Таким образом, в чеховском творчестве, особенно в позднем периоде, в частности, в книге «Остров Сахалин», а также в эпистолярном наследии, психологические мотивы эпидемии, болезни – здоровья, а также собственные душевные переживания и профессиональные врачебные мотивы представлены наиболее ярко. Нередко они взаимодействуют и переплетаются с другими мотивами: социальными (каторги – свободы), психологическими (страха – бесстра-

шия, смерти – бессмертия, врачебного долга, самопожертвования), раскрывающие наиболее волнующие автора темы на рубеже 19 – 20 вв.

Почти через 300 лет после карантина в связи с холерой в столице времен А.С. Пушкина и 125 лет эпидемии холеры в России времен А.П. Чехова наша страна и весь мир вновь переживает подобное испытание. Если в эллинские времена психологическое значение эпидемии подается как наказание богов, от которого невозможно уберечься и спрятаться, то во времена «золотого» века русской литературы А. Пушкин и А. Грибоедов уже используют в описании медицинскую терминологию и выполняют карантинные мероприятия, а Александр Сергеевич стихотворно интерпретирует санитарные правила. В мотиве эпидемии приглушается психологическая фатальность смерти, одновременно с этим звучат ноты борьбы, иронии, бессмертия. В то же время психологическая трактовка эпидемии начала 19 в. еще значительно окрашена мистическими переживаниями и переплетается с эсхатологическими мотивами Г. Державина [9] из 18 в. и более ранних эпох.

Своеобразную трактовку психологического мотива эпидемии дает писатель и врач А.П. Чехов: ничего не осталось от ее мистического восприятия. Книга «Остров Сахалин» стала примером документально-художественной подачи психологического мотива медицины, образа врача и эпидемии. В письмах сахалинского периода переплетаются и взаимодействуют личный мотив болезни самого А. Чехова (он страдает туберкулезом) и мотив эпидемии холеры, оспы, которые он наблюдал в путешествии и по возвращении домой. Описание причин и последствий эпидемии оспы на Сахалине представлено, скорее, как малоэмоциональный медицинский отчет. Волю переживаниям Антон Павлович дает в письмах, когда возвращается из дальнего путешествия: в этот период психологический мотив эпидемии перекликается со страхом смерти, опасениями заразиться холерой.

По возвращении домой, во время ликвидации холеры в России, в описании эпидемии превалирует психологическая позиция утомленного «холерного доктора». С характерной самоиронией он именуется себя «самым жалким» из докторов. В то же время, в письмах из Мелихово чаще звучат нотки смертельной усталости – его собственный недуг отнимает все больше жизненных сил, Чехов разрывается между желанием обработать

наброски для книги «Остров Сахалин» и ежедневным, всепоглощающим служением Эскулапу.

Выводы. Выявленные в работе закономерности, аналогии психологических мотивов двух великих писателей предполагают необходимость дальнейшего более пристального изучения данной проблемы. Результаты нашего исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных вузовских, школьных курсов по русской литературе XIX в., психологии и др. гуманитарных дисциплин.

В наше время произведения классиков рус-

ской литературы, эпистолярное наследие, отражающее психологические мотивы служения людям, противостояния эпидемии, болезни представляются особенно актуальными, т.к. дают пример борьбы разума с унынием и страхом ради победы над наиболее древним и опасным бедствием человеческой цивилизации. Писательская, медицинская и общественная деятельность А.П. Чехова и психологические качества его личности стала символом самопожертвования и служения обществу в период смертельной опасности.

1. Введение в литературоведение: [учеб. пособие] / [Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др.]; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.
2. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем / Дмитрий Лихачев, Николай Самвелян. – М.: Советская Россия, 1988. – 146 с.
3. Капустин, Н. В. О повторяющихся мотивах в книге А.П. Чехова «Остров. Сахалин» / Н.В. Капустин // Филологические науки. – 2019. – № 3. – С. 87-92.
4. Литовченко, М. В. Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова: автореф. дис.... канд. филол. наук / Литовченко М. В. - Кемерово, 2007. – 23 с.
5. Лотман, Ю. М. Пушкин. — С.-Пб: Искусство - СПб, 1995. — 846 с.
6. Мифтахов, И. Ф. Документальная художественность пейзажа в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Известия Самарского научного центра РАН. - 2017. - №4. – С. 96-103.
7. Мифтахов, И. Ф., Герасимова, Т. В. Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» и ее погружение в медицинскую реальность // Национальные образы мира в литературе: сборник статей по материалам Международной 36 Зональной конференции литературоведов Поволжья под ред. Н.М. Ильченко и др. - Н.Новгород: Мининский университет, 2019.- С. 78-83.
8. Мифтахов, И. Ф. Семантика болезни в нарративах книги "Остров Сахалин" А. П. Чехова / И. Ф. Мифтахов, Т. В. Герасимова // Мир психологии. – 2017. – № 4(92). – 104 с.
9. Мифтахов, И. Ф. Эсхатологические мотивы в творчестве А.П. Чехова и Г.Р. Державина //Язык медицины. – 2015. – С. 340-345.
10. Михель, Д. В. Общественное здоровье и холерный вибрион: российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. - 2008. - №2. - С. 64-76.
11. Михель, Д. В. Становление медицинской микробиологии в России и проблема холеры (1885-1910 годы) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. - 2009. - №2. - С. 7-26.
12. Натуральная медицина. Антон Павлович Чехов – поездка на Сахалин [Электронный ресурс]. - URL: <https://natural-medicine.ru/drugoe/1328-anton-pavlovich-chexov-poezdka-na-saxalin.html> (дата обращения: 10.10.2021).
13. Поэтика мотива. Силантьев И.В. Отв. ред. Е.К. Ромодановская. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 295 с.
14. Пушкин, А. С. Герой: («Да, слава в прихотях вольна...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 3. Стихотворения, 1827—1836. — 1977. - С. 187-189.
15. Пушкин, А. С. Пир во время чумы // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. — 1978. — С. 351-359.
16. Пушкин, А. С. Письмо Плетневу П.А., 9 сентября 1830 г. Из Болдина в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 10. Письма. — 1979. — 357 с.
17. Чехов, А. П. Из Сибири // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974-1982. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889-1895. - М.: Наука, 1978. — 15 с.
18. Чехов, А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889—1895. — М.: Наука, 1978. — С. 174-175.
19. Чехов, А. П. Письмо Дягилеву С.П., 20 декабря 1901 г. Ялта / А.П. Чехов // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1974 -1983. - Т. 10. Письма, Апрель 1901 - июль 1902. - М.: Наука, 1981. - С. 145 - 146.
20. Чехов, А. П. Письмо Мизиновой Л.С., 16 июля 1892 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974-1983. Т. 5.

- Письма, Март 1892 - 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 94.
21. Чехов, А. П. Письмо Смагину А.И., 16 декабря 1891 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 4. Письма, январь 1890 — февраль 1892. — М.: Наука, 1975. — С. 330—331.
22. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 11 сентября 1890 г. Татарский пролив, пароход «Байкал» // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 4. Письма, январь 1890 — февраль 1892. — М.: Наука, 1975. — С. 133—134.
23. Чехов, А. П. Письмо Суворину А. С., 25 июня 1892 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 5. Письма, Март 1892 — 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 84.
24. Чехов, А. П. Письмо Суворину А.С., 1 августа 1892 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 5. Письма, Март 1892 — 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 100—102.
25. Чехов, А. П. Письмо Суворину А.С., 16 августа 1892 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 5. Письма, Март 1892 - 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 103-107.
26. Чехов, А. П. Письмо Суворину А.С., 2 января 1894 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 5. Письма, Март 1892 — 1894. — М.: Наука, 1977. — С. 258.
27. Чехов, А. П. Письмо Суворину А.С., 25 января 1894 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. - М.: Наука, 1974-1983. Т. 5. Письма, Март 1892 - 1894. — М.: Наука, 1977. - С. 265.
28. Чехов, А. П. Письмо Членову М.А., 13 сентября 1903 г. Ялта // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 11. Письма, июль — декабрь 1903. — М.: Наука, 1982. — С. 248.
29. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение научный центр психического здоровья. Психический мир Чехова. П. Бологов [Электронный ресурс]. — URL: <http://ncpz.ru/stat/152> (дата обращения: 10.10.2021).
30. Шехватова, А. Н. Мотив в структуре чеховской прозы: автореф. дис.... канд. филол. наук / Шехватова А. Н. - СПб., 2003. - 26 с.
31. Шехватова, А. Н. Мотив в структуре чеховской прозы. Дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2003.

PSYCHOLOGICAL MOTIVES OF CREATIVITY OF A.S. PUSHKIN AND A.P. CHEKHOV IN THE PERIOD OF EPIDEMICS

© 2021 I.F. Miftakhov¹, T.V. Gerasimova²

*Iskander F. Miftakhov, specialist of the press service of the Samara Provincial Duma;
teacher-researcher*

ORCID iD 0000-0001-7144-4088

E-mail: isk@mail.ru

*Tatyana V. Gerasimova, Senior Lecturer of the Department of Rehabilitology and Nursing
of a private institution of an educational organization
higher education, clinical psychologist*

E-mail: isk@mail.ru

¹Samara State University of Social Sciences and Education

²Reaviz Medical University
Samara, Russia

This article traces the mutual penetration of the psychological motives of the epidemic, illness - healing, death - immortality, despondency and selflessness on the example of the works and letters of world-famous writers, representatives of the "golden" age of Russian literature - Pushkin and Chekhov. It is shown how the artistic and psychological assessment of the epidemic and diseases differs in the works of Pushkin and Chekhov. Alexander Sergeevich did not completely abandon the ancient Greek interpretation of the psychological perception of the epidemic as God's punishment, but he already suggested the observance of rational anti-epidemic sanitary measures. In "A Feast in the Time of

the Plague" an appeal is analyzed for the mobilization of spiritual forces to fight both cholera and psychological dependency - "dangerous fear". The semantic load of the works, first of all, "Sakhalin Islands", "Wards N6", etc., has an underlined pathographic nature of the narration and a pronounced medical documentation of the text, which reflects the professional interests of the author. In Chekhov's letters of the "Sakhalin" time, the psychological motives of awareness of one's own fatal illness and the psychological motive of medical duty during the struggle against the smallpox epidemic in Sakhalin, cholera in Melikhovo are intertwined. The psychological motive of awareness of the danger of infection for one's own life and self-sacrifice in order to save people from the epidemic is touched upon. The theme of the psychology of writing duty is covered with the aim of completing the book "Sakhalin Island" and the work of a "cholera doctor", which takes away all physical and spiritual strength.

Keywords: A. Pushkin, A. Chekhov, psychological motives, psychological analysis in literature, psychology, the book "Sakhalin Island", pathographic text, psychology of a doctor, image of a doctor, personality, thinking, reception, reflection, Russian penal servitude, psychological picture of the world, "Feast during the plague", "Hero", epidemic, plague, smallpox, quarantine

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-104-116

1. Vvedeniye v literaturovedeniye: [ucheb. posobiye] (Introduction to literary criticism: [proc. allowance])/ [Chernets L.V., Khalizev V.Ye., Esalnek A.YA. i dr.]; pod red. L.V. Chernets. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 680 s.
2. Dialogi o dne vcherashnem, segodnyashnem i zavtrashnem (Dialogues about yesterday, today and tomorrow) / Dmitriy Likhachev, Nikolay Samvelyan. – M.: Sovet-skaya Rossiya, 1988. – 146 s.
3. Kapustin, N. V. O povtoryayushchikhsya motivakh v knige A.P. Chekhova «Ostrov. Sakhalin» (On recurring motifs in the book by A.P. Chekhov "Island. Sakhalin") / N.V. Kapustin // Filolo-gicheskiye nauki. – 2019. – № 3. – S. 87-92.
4. Litovchenko, M. V. Pushkinskaya traditsiya v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis.... kand. filol. Nauk (Pushkin tradition in the prose of A.P. Chekhov: author's abstract. dis.... cand. philol. Sciences) / Litovchenko M. V. - Kemerovo, 2007. – 23 s.
5. Lotman, YU. M. Pushkin. – S.-Pb: Iskusstvo - SPB, 1995. – 846 s.
6. Miftakhov, I. F. Dokumental'naya khudozhestvennost' peyzazha v knige A.P. Chekhova «Ostrov Sakhalin» (Documentary landscape artistry in the book by A.P. Chekhov "Sakhalin Island") // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. - 2017. - №4. – S. 96-103.
7. Miftakhov, I. F., Gerasimova, T. V. Kniga A.P. Chekhova «Ostrov Sakhalin» i yeye pogrucheniye v meditsinskuyu real'nost' (Book A.P. Chekhov "Sakhalin Island" and its immersion in medical reality) // Natsional'nyye obrazy mira v literature: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy 36 Zo-nal'noy konferentsii literaturovedov Povolzh'ya pod red. N.M. Il'chenko i dr. - N.Novgorod: Mininskiy uni-versitet, 2019.- S. 78-83.
8. Miftakhov, I. F. Semantika bolezni v narrativakh knigi "Ostrov Sakhalin" A.P. Chekhova (Semantics of the disease in the narratives of the book "Sakhalin Island" by A. P. Chekhov) / I. F. Miftakhov, T. V. Gerasimova // Mir psikhologii. – 2017. – № 4(92). – 104 s.
9. Miftakhov, I. F. Eskhatologicheskiye motivy v tvorchestve A.P. Chekhova i G.R. Derzhavina (Eschatological motives in the work of A.P. Chekhov and G.R. Derzhavin) // YAzyk meditsiny. – 2015. – S. 340-345.
10. Mikhel', D. V. Obshchestvennoye zdorov'ye i kholernyy vibrion: rossiyskaya imperiya, meditsina i bakteriologiya nachala XX veka pered ugrozoy kholery (Public health and vibrio cholerae: the Russian empire, medicine and bacteriology of the beginning of the 20th century in the face of the threat of cholera) // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. - 2008. - №2. - S. 64-76.
11. Mikhel', D. V. Stanovleniye meditsinskoy mikrobiologii v Rossii i problema kholery (1885-1910 gody) (Formation of medical microbiology in Russia and the problem of cholera (1885-1910) // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. - 2009. - №2. - S. 7-26.
12. Natural'naya meditsina. Anton Pavlovich Chekhov – poyezdka na Sakhalin (Natural medicine. Anton Pavlovich Chekhov - a trip to Sakhalin) [Elektronnyy resurs]. - URL: <https://natural-medicine.ru/drugoe/1328-anton-pavlovich-chexov-poezdka-na-saxalin.html> (data obrashcheniya: 10.10.2021).
13. Poetika motiva (Poetics of motive). Silant'yev I.V. Otv. red. Ye.K. Romodanovskaya. – M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 295 s.
14. Pushkin, A. S. Geroy: («Da, slava v prikhotyakh vol'na...») (Hero: ("Yes, glory is free in whims ...")) // Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy: V 10 t. – L.: Nauka. Leningr. otd-niye, 1977-1979. T. 3. Stikhotvoreniya, 1827–1836. – 1977. - S. 187-189.
15. Pushkin, A. S. Pir vo vremya chumy // Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy: V 10 t. (Feast during the plague // Pushkin A.S. Complete Works: In 10 volumes). – L.: Nauka. Leningr. otd-niye, 1977-1979. T. 5. Yevgeniy Onegin. Dramaticheskiye proizvedeniya. – 1978. – S. 351-359.
16. Pushkin, A. S. Pis'mo Pletnevu P.A., 9 sentyabrya 1830 g. Iz Boldina v Peterburg (Letter to Pletnev P.A., September 9, 1830. From Boldin to Petersburg) // Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy: V 10 t. – L.: Nauka. Leningr. otd-niye, 1977-1979. T. 10. Pis'ma. – 1979. – 357 s.
17. Chekhov, A. P. Iz Sibiri // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. (From Siberia // Chekhov A.P. Complete collection of works and letters: In 30 volumes. Works: In 18 volumes) / AN SSSR. In-t

- mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974-1982. T. 14/15. Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin. 1889-1895. - M.: Nauka, 1978. — 15 s.
18. Chekhov, A. P. Ostrov Sakhalin: (Iz putevykh zapisok) (Sakhalin Island: (From travel notes)) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1982. T. 14/15. Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin. 1889—1895. — M.: Nauka, 1978. — S. 174-175.
19. Chekhov, A. P. Pis'mo Dyagilevu S.P., 20 dekabrya 1901 g. Yalta (Letter to Diaghilev S.P., December 20, 1901 Yalta / A.P. Chekhov) / A.P. Chekhov // Chekhov A.P. Polnoye sobraniye sochine-niy i pisem: V 30 t. Pis'ma: v 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A.M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974 -1983. - T. 10. Pis'ma, Aprel' 1901 - iyul' 1902. - M.: Nauka, 1981. - S. 145 - 146.
20. Chekhov, A. P. Pis'mo Mizinovoy L. S., 16 iyulya 1892 g. Melikhovo (Letter to L.S. Mizinova, July 16, 1892 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974-1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 - 1894. — M.: Nauka, 1977. — S. 94.
21. Chekhov, A. P. Pis'mo Smaginu A. I., 16 dekabrya 1891 g. Moskva (Letter to Smagin A.I., December 16, 1891, Moscow) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pi-sem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 4. Pis'ma, yanvar' 1890 — fevral' 1892. — M.: Nauka, 1975. — S. 330—331.
22. Chekhov A.P. Pis'mo Suvorinu A. S., 11 sentyabrya 1890 g. Tatarskiy proliv, parokhod «Baykal» (Letter to Suvorin A.S., September 11, 1890. Tatar Strait, steamship "Baikal") // Chekhov A. P. Pol-noye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 4. Pis'ma, yanvar' 1890 — fevral' 1892. — M.: Nauka, 1975. — S. 133—134.
23. Chekhov, A. P. Pis'mo Suvorinu A. S., 25 iyunya 1892 g. Melikhovo (Letter to Suvorin A.S., June 25, 1892 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pi-sem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 — 1894. — M.: Nauka, 1977. — S. 84.
24. Chekhov, A. P. Pis'mo Suvorinu A. S., 1 avgusta 1892 g. Melikhovo (Letter to Suvorin A.S., August 1, 1892 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 — 1894. — M.: Nauka, 1977. — S. 100—102.
25. Chekhov, A. P. Pis'mo Suvorinu A. S., 16 avgusta 1892 g. Melikhovo (Letter to Suvorin A.S., August 16, 1892 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 - 1894. — M.: Nauka, 1977. — S. 103-107.
26. Chekhov, A. P. Pis'mo Suvorinu A. S., 2 yanvarya 1894 g. Melikhovo (Letter to Suvorin A.S., January 2, 1894 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 — 1894. — M.: Nauka, 1977. — S. 258.
27. Chekhov, A. P. Pis'mo Suvorinu A. S., 25 yanvarya 1894 g. Melikhovo (Letter to Suvorin A.S., January 25, 1894 Melikhovo) // Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. - M.: Nauka, 1974-1983. T. 5. Pis'ma, Mart 1892 - 1894. — M.: Nauka, 1977. - S. 265.
28. Chekhov, A. P. Pis'mo Chlenovu M. A., 13 sentyabrya 1903 g. Yalta (Letter to M.A. Chlenov, September 13, 1903, Yalta) // Chekhov A.P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nauka, 1974—1983. T. 11. Pis'ma, iyul' — dekabr' 1903. — M.: Nauka, 1982. — S. 248.
29. Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye nauchnoye uchrezhdeniye nauchnyy tsentr psikhicheskogo zdorov'ya. Psikh-astenicheskiy mir Chekhova. P. Bologov (Federal State Budgetary Scientific Institution Scientific Center for Mental Health. Psycho-asthenic world of Chekhov. P. Bologov) [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://ncpz.ru/stat/152> (data obrashcheniya: 10.10.2021).
30. Shekhvatova, A. N. Motiv v strukture chekhovskoy prozy: avtoref. dis.... kand. filol. nauk (Motive in the structure of Chekhov's prose: Author. dis.... cand. philol. Sciences)/ Shekhvatova A. N. - SPb., 2003. - 26 s. 31. Shekhvatova, A. N. Motiv v strukture chekhovskoy prozy. Dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2003.
31. Shekhvatova, A. N. Motiv v strukture chekhovskoy prozy. Dis. ... kand. filol. Nauk (Motive in the structure of Chekhov's prose. Dis. ... cand. philol. Sciences). — SPb., 2003.